

Евразийская оценка культур кочевников и их роль в русской истории

Евразийская концепция монгольского ига в русской истории и ее предвосхищение у А.С.Хомякова

Признание некоторых положительных аспектов монгольского ига для России в наши дни принято считать новацией евразийской социально-философской и культурологической школы (П.Н.Савицкий, Н.С.Трубецкой, Г.В.Вернадский и др.)¹. Более того, именно этот тезис евразийской историософии вызывал и вызывает больше всего нареканий и обвинений в том, что евразийцы, якобы, пытались в погоне за оригинальностью выдать величайшую трагедию русской национальной истории — монгольское иго — за некое «благо». Так, эмигрантский историк А.А.Кизеветтер, постоянный оппонент евразийцев 20—30-х гг., писал: «Весь этот апофеоз русско-татарского культурного единения (у евразийцев. — **Р.В.**) производит весьма странное впечатление на человека, хотя бы несколько знакомого с фактами русской истории. ...о каком-то культурном взаимодействии Руси и татарщины можно говорить ... закрыв глаза на целый ряд красноречивых свидетельств, указывающих на то, что русское национальное самосознание выросло не на почве тяготения к татарщине, а прямо наоборот, на почве возмущения татарским игом и сознательного отталкивания от татарщины...»² Подобные инвективы в еще более резкой форме повторяют и современные критики евразийства. Скажем, А.Янов заявляет: «Татари-монголы, огнем и мечом покорившие Русь, разорившие ее непомерной и унижительной данью, которую платила она на протяжении многих столетий, оставившие после себя пустыню и продавшие в рабство цвет русской молодежи, вдруг оказываются в пылу гумилевской полемики ангелами-хранителями русской государственности от злодейской Европы»³ (полемические нападки А.Янова направлены против учения Л.Н.Гумилева, чья трактовка монгольского периода русской истории, как мы уже отмечали, отличается от трактовки классиков евразийства, но именно в упомянутом аспекте — защиты Орды Руси от западной экспансии — Л.Н.Гумилев и евразийцы 20—30-х гг. едины⁴).

Вместе с тем историки русской философии, занимающиеся исследованиями евразийства, уже указывали, что сама мысль об относительно положительном значении монгольского ига для Руси высказывалась задолго до евразийцев. По замечанию С.М.Половинкина нечто подобное утверждал основатель славянофильства А.С.Хомяков⁵. Действительно, в своей знаменитой статье «О старом и новом» — своеобразном первом манифесте славянофильства — А.С.Хомяков анализирует историю России и пишет буквально следующее: «Гроза налетела с

Востока, ужасная, сокрушившая все престолы Азии, достаточная для уничтожения всей Европы, если бы Европа не была спасена от нее безмерным расстоянием. Тень будущей России встретила ее при Калке, и побежденная — могла не стыдиться своего поражения. Бог как будто призывал нас к единению и союзу. ...Кара была правосудна, перерождение было необходимо. Насилие спасительно, когда спит внутренняя деятельность человека. ...*монголы были случайностью, счастливою для нас* (курсив мой. — **Р.В.**): ибо эти дикие завоеватели, разрушая все существующее, по крайней мере, не хотели и не могли ничего создать»⁶. Итак, согласно А.С.Хомякову, монгольское нашествие было справедливым наказанием за грехи киевских русичей, погрязших в междоусобицах. Но не только в этом его спасительное значение, монголы не исказили оригинальный строй русской культурной жизни, как это сделали бы, например, западные рыцари, если бы они подчинили себе Русь. Монголы ничего русским не навязывали, кроме политического господства. Наконец, монголы, сами того не желая, соединили Русь, сделали ее из федерации княжеств, постоянно враждовавших между собой, цельным централизованным государством. «До нашествия монголов никому, ни человеку, ни городу, нельзя было восстать и сказать: «Я представитель России, я центр ее, я сосредоточу в себе ее жизнь и силу» — развивает свою мысль Хомяков, тогда как после ига — «Старые города переполнились, выросли новые села, выстроились новые города, Север и Юг смешались, проникнули друг друга, и началась в пустопорожних землях, в диких полях Москвы, новая жизнь, уже не племенная и не окружная, но общерусская»⁷.

Приходится только удивляться совпадению в этом вопросе мнений основателя славянофильства и основоположников евразийства. Так, П.Н.Савицкий в статье «Степь и оседлость» также писал: «*Велико счастье Руси, что в тот момент, когда в силу внутреннего разложения она должна была пасть, она досталась татарам, а никому другому* (курсив мой. — **Р.В.**). Татары — «нейтральная» культурная среда, принимавшая «всяческих богов», и терпевшая «любые культы», — пали на Русь как наказание Божие, но не замутили чистоты национального творчества ... татары не изменили духовного существа России; но в отличительном для них в эту эпоху качестве создателей государств, militarно-организующейся силы, они несомненно повлияли на Русь. ... они дали России свойство организовываться военно, создавать государственно-принудительный центр, достигать устойчивости...»⁸.

Как видим, П.Н.Савицкий повторяет практически все аспекты хомяковской оценки монгольского ига — и восприятие его как наказания Божьего за грехи погрязшей в раздорах Киевской Руси, и утверждение, что монголы не исказили строй русской души, и, наконец, признание того, что во многом благодаря монголам Русь стала централизованным сильным государством. Отметим, что парадоксальным образом почти дословно совпадают даже формулировки: Хомяков пишет о том, что «монголы были случайностью, счастливою для нас», а Савицкий — «велико счастье Руси, что ... она досталась татарам». И это при том, что судя по всему Савицкий и другие евразийцы либо не знали о данной позиции славянофильской историософии, либо упустили ее из вида, иначе их обвинения славянофильства в том, что оно, якобы, недооценивало туранский элемент в русской культуре, были бы не столь резкими и однозначными⁹. Скажем более,

и оппоненты евразийства, поносящие его за «отатаривание русской истории», также ведут себя так, будто никто ничего подобного до евразийцев не говорил. Так, двусмысленность позиции того же А.А.Кизеветтера состоит в том, что он вообще критикует евразийцев именно за излишний отход от славянофильской концепции русской истории и культуры.

Итак, перед нами некий парадокс. С одной стороны, мысль о том, что монгольское иго принесло России не только страдания, но и положительные плоды, высказывалась еще до евразийцев. С другой стороны, все — и сторонники, и противники евразийства воспринимают ее именно как евразийскую новацию. Как же это объяснить?

Историософский базис евразийской концепции монгольского ига: критика теории «исторических» и «неисторических» народов

Вообще-то в истории науки уже не раз случались подобные прецеденты. Самый известный пример предоставляет нам история химии. Как известно, А.Лавуазье справедливо считается создателем кислородной теории горения. Но часто при этом забывают, что вообще-то не Лавуазье открыл кислород. Это сделал за некоторое время до него английский ученый Пристли. Но Пристли был сторонником ошибочной теории флогистона, согласно которой горение — следствие наличия в веществе гипотетического флюида горения — флогистона. Поэтому он не сумел правильно объяснить природу кислорода, увидев в нем «дефлогистонизированный воздух». Лавуазье же отбросил теорию флогистона, то есть изменил «парадигмальную оптику», предложил рассматривать кислород с позиций иных теоретических установок — как элемент, соединение с которым других элементов и является горением. Таким образом, в определенном смысле те, кто считает, что именно Лавуазье открыл кислород, также правы — не фактически, а сущностно: ведь открыть — значит не только обнаружить, но и правильно объяснить что обнаружено. Если под кислородом понимать газ, обеспечивающий горение при соединении с некоторыми другими элементами, то его открыл Лавуазье, а не кто-нибудь иной.

Точно также предшественники евразийцев, скажем, тот же А.С.Хомяков, в отдельных аспектах предвосхитившие их оценку монгольского ига, при этом исходили из совершенно иных методологических и историософских установок. Для них монголы и другие кочевые народы были варварами, стоящими много ниже на лестнице культуры, чем народы оседлые, к примеру, те же славяне. Вспомним, что Хомяков писал о монголах лишь как о разрушителях, «диких завоевателях», которые сами, якобы, ничего не могли создать. Эта точка зрения — что кочевники, собственно, лишены культуры, так как последняя есть созидание духовных и материальных ценностей, а кочевники способны лишь их захватывать и разрушать — вообще характерна не только для русских славянофилов, но и для западников (не говоря уже о западных философах и историках)¹⁰. Естественно, исходя из нее невозможно говорить о культурном обмене и диалоге, пусть и иногда бессознательном, между русичами и народами Степи, прежде всего монголами, который констатировали евразийцы. В рамках данной парадигмы монголы могли послужить делу возвышения русского народа лишь тем, что в своем слепом порыве разрушать все и вся, они не позволили Западу захватить Русь и исказить ее

православную самобытную душу, а также и тем, что ослабляли и врагов русской цивилизации, так что потом, когда иго пало, Москве легче было подняться и превратиться в собирателя державных земель.

Надо заметить, что эта концепция напрямую вытекает из гегелевской концепции народов исторических и неисторических (а влияние Гегеля на наших славянофилов общеизвестно¹¹). Обратимся же к данной концепции Гегеля.

Классик немецкой философии признавал историческое, иначе говоря, положительное значение не за всеми, а лишь за некоторыми народами. Именно на них в определенную эпоху почитет мировой Дух, и своим бытием они выполняют историческую сверхзадачу данной эпохи. Большинство же других современных им народов являются, по мысли Гегеля, неисторическими, их существование оправдано лишь в той мере, в которой они подчинятся и станут «питательным материалом» для исторического народа данной эпохи. «Самосознание отдельного народа является носителем данной ступени развития всеобщего духа в его личном бытии и той объективной действительностью, в которую он влагает свою волю. По отношению к этой абсолютной воле, воля других отдельных народных духов бесправна, упомянутый же выше народ господствует над всем миром»¹² — пишет Гегель в своей «Энциклопедии философских наук». Так, в античности такими историческими народами, по мнению Гегеля, были греки и римляне. Включение множества народов в состав Римской империи и даже жесточайшее отношение к ним Гегель оправдывает историческим предназначением древних римлян. Надо ли добавлять, что народом-господином, в котором воплотился смысл нашего времени, Гегель считал, естественно, немцев, а, например, русские, по его мысли, не входили в состав исторических народов (Гегель даже не удосужился упомянуть русских в своей философии истории), не говоря уже о народах азиатских. Они, по Гегелю, равно как и прочие незападные народы, обречены на порабощение со стороны германцев, также как в свое время сирийцы и иудеи обречены были на захват со стороны тогдашнего «всемирно-исторического народа» — римлян.

Славянофилы в этом смысле развивали именно концепцию Гегеля и лишь вносили в нее определенные коррективы: если по Гегелю господством западных народов история завершается, исчерпав содержание промысла Мирового Духа, то, согласно славянофилам, в будущем предстоит еще один исторический этап, когда весь смысл истории сосредоточится уже в бытии не романо-германских, а славянских народов, и, прежде всего, русского народа¹³. В эту концепцию совершенно органично вписывается понимание всех кочевых народов как бескультурных разрушителей.

Евразийцам была чужда эта позиция. Евразийцы вообще отвергали разделение народов на исторические и неисторические, тем самым подрывая самый фундамент славянофильского восприятия кочевых народов, в том числе и монголов. Г.В.Флоровский в период своего участия в евразийском движении развивал мысль о том, что все однолинейные концепции истории — от гегельянства до марксизма и либерализма, для которых как раз и свойственна ранжировка народов на высшие, «цивилизованные» и низшие, «нецивилизованные», исходят из того, что история есть детерминистский процесс, подчиненный бездушной и неотвратимой закономерности, и тем самым они противопоставляют себя

христианству. Ведь христианство, по мысли Флоровского, в принципе отвергает такой взгляд на мир и на историю, оно есть религия жизни и творчества, победивших энтропию и смерть. «...религиозно-просветленный взор видит под конструктивную преемственностью бытовых картин трагическую мистерию исторической жизни... «прошлое» незримо и не гнетет настоящего и будущего слепой неотвратимостью Рока. В этой мистрии священнодействуют свободные служители идеалов — правда, в благодатном общении между собой»¹⁴. Причем, это не частная точка зрения евразийца Г.В.Флоровского. Во вступлении к первому сборнику евразийцев — «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев» (София, 1921) эта же мысль повторяется с некоторыми несущественными вариациями: «Мы не верим, чтобы существовали народы, предназначенные навеки быть избранными носителями культуры; мы отрицаем возможность «последних слов» и «окончательных синтезов». История не есть для нас уверенное восхождение к некоей доисторически предначертанной абсолютной цели, но свободная и творческая импровизация, каждый момент которой исполнен не какого-либо задуманного в общем плане, но своего значения»¹⁵. И хотя достоверно известно, что это предисловие было написано Н.С.Трубецким, из его содержания и стиля ясно, что оно представляет позицию всей евразийской группы в ее первоначальном составе (Н.С.Трубецкой, П.Н.Савицкий, П.П.Сувчинский, Г.В.Флоровский).

Кроме того, эта концепция Флоровского перекликается и с критикой европоцентризма, предпринятой Н.С.Трубецким в книге «Европа и человечество», и во многом легшей в основу евразийской культурологии «многополярного мира». Н.С.Трубецкой утверждал, что нет никаких научных рациональных оснований для того, чтобы европейскую культуру считать высшей, развитой, а все остальные, на нее непохожие — отсталыми. В такой оценке, по Н.С.Трубецкому, проявляется лишь наивный эгоцентризм европейцев. На самом деле: «Момент оценки должен быть раз навсегда изгнан из этнологии и истории культуры, как и вообще из всех эволюционных наук, ибо оценка всегда основана на эгоцентризме. Нет высших и низших. Есть только похожие и непохожие. Объявлять похожих на нас высшими, а непохожих низшими — произвольно, глупо, наивно, наконец, просто глупо»¹⁶. Исходя из этого, культуры русская, монгольская, чукотская, новогвинейская и другие ничем не хуже и не ниже немецкой или английской.

Итак, согласно евразийству, даже так называемые «неисторические» или «нецивилизованные» народы имеют свою идею и свое предназначение. Они неясны для тех, кто втискивает живую ежечасно творимую ткань истории в узкие и мертвенные логические схемы — для исторических детерминистов и отвлеченно-идеалистического и материалистического толка. Но они проясняются для всякого, чей взор очищен пониманием наличия Божьего промысла в истории и осознанием творческого характера «народных духов». Множество самоценных, творчески, во многом непредсказуемо развивающихся самобытных культурных миров, среди которых и многонародная Россия — Евразия, и каждый из них несет свою идею, свое мировоззрение, свое мирочувствование — вот взгляд на историю евразийцев.

Евразийская оценка культуры кочевников

Из этого взгляда прямо вытекает тезис о самобытности и самоценности кочевых культур, которым слишком долго отказывалось в самом наличии культуры, поскольку таковая признавалась лишь за народами оседлыми. Этот тезис подробно развивается П.Н.Савицким в работе «О задачах кочевниковедения (почему скифы и гунны должны быть интересны для русского?)». П.Н.Савицкий в ней справедливо указывал на то, что до сего времени история писалась представителями оседлых народов, которые, естественно, склонны были преувеличивать значение оседлых культур и принижать значение кочевых (Савицкий называет такую трактовку евразийской истории «украинолюбивой», так как она создана народами «окраины» Евразии, в то же время как Степь составляет «сердцевину», «ядро» Евразии). Возможна и иная — «степолюбивая» трактовка». Савицкий предостерегает от тенденциозности выводов и в рамках первой, и в рамках второй трактовки¹⁷. То есть, по Савицкому, не стоит возвышать оседлые народы за счет кочевых или наоборот, и те, и другие — носители своеобразных культур, приспособленных к их местообитанию и выполняющих важные функции в истории Евразии.

Так, культуру кочевников, по Савицкому, можно определить как «конно-железную». В отличие от оседлых народов, которые живут в основном земледелием (окультуриванием растений), кочевники приручили животных, прежде всего, коня¹⁸. Быт этих народов связан с передвижениями по степи, которые зависят от наличия травы и воды, необходимых для коней и других животных. Такой уклад жизни, как замечал Савицкий, наиболее рационален для условий степи, где сельское хозяйство — выращивание пшеницы, ржи и других культур просто невозможно в силу природных условий (отсутствие плодородного слоя почвы, скудость осадков)¹⁹. Поэтому кочевая культура не хуже, и не лучше оседлой, она просто приспособлена для других условий.

Еще одно характерное отличие культуры кочевых народов — освоение железа, мастерство владения оружием, культ войны и воинской доблести. Для кочевников — скифов и гуннов, как впоследствии и для монголов, верность товарищу, смелость были самыми ценными качествами²⁰. Неприхотливые, отважные, легко снимающиеся с мест и пересекающие огромные пространства кочевники как бы созданы для войны. Евразийцы не были пацифистами и не считали войну абсолютным злом. Войны, по их мнению, имеют и положительные последствия, они способствуют созданию новых государств, в которых — под эгидой меча империи — прекращаются межнациональные распри, расцветает своеобразная культура, осуществляются плодотворные межкультурные, экономические и другие контакты. Важная функция кочевников в евразийской истории — соединение «окраинных миров» месторазвития и континента, например, Западной и Восточной Европы и Китая и Индии.

Впрочем, Савицкий был далек от мысли, что кочевники — лишь завоеватели. Изучение останков скифской культуры — оружия, орнаментов — показывают ее оригинальность и позволяют говорить о ней, как о такой же «высокой» культуре, как и у оседлых народов.

Евразийская оценка монгольской культуры

Одна из кочевых культур — монгольская, которая в XIII—XIV веках породила величайшую евразийскую империю. Она сама, а также ее влияние на русскую культуру, исследовалось евразийской историософией. Особенно подробно этот вопрос рассматривался П.Н.Савицким, Н.С.Трубецким, Г.В.Вернадским, Н.Н.Алексеевым, а также евразийским историком калмыцкого происхождения Э.Хара-Даваном, чьи изыскания были своеобразным итогом исторических работ других евразийцев. При этом евразийцы отстаивали позицию, что монголы были не «варварами-разрушителями», а представляли собой высококультурный народ, вошедший в историю как творец множества самобытных культурных, социально-политических и экономических форм.

Прежде всего, дарования монголов проявились в военной сфере. Монголы создали совершенную армию со строжайшей дисциплиной, практичной внутренней организацией, талантливым командным составом, высоким боевым духом командиров и простых воинов. Лучшим доказательством воинских дарований монголов стали их победоносные походы, в результате которых власть монгольского хана распространилась от Китая до Венгрии, то есть на 4/5 части Старого Света (это намного превышало территории, завоеванные признанными европейскими великими полководцами — Александром Македонским или Наполеоном)²¹. Все это было достигнуто благодаря не только мужеству, но и изумительной изобретательности и одаренности монголов. Они вывели особую породу лошадей («монгольские лошади»), которые с легкостью переносили тяжелые климатические условия и были весьма неприхотливы. Следует заметить, что для военного дела средних веков, когда артиллерии, мотопехоты, танков еще не существовало, и кавалерия была «царицей полей», выведение новой породы лошади по значению не уступало созданию новой модификации танка или БМП для современной армии. Вдобавок к этому, монголы изобрели способ, при помощи которого их конница получала еще большую скорость передвижения. Монгольское войско начинало свой военный поход чаще всего ранней весной и шло в те области степи, где появлялась свежая трава. Так что конница всегда располагала фуражом и не нуждалась в остановках в городах, в конюшнях, в овсе. Но и этого мало: монгольские всадники брали с собой до четырех «заводных» коней, так что всегда можно было менять коней и тем самым сокращать время привалов (монголам помогало и умение спать прямо верхом на коне во время похода, вследствие чего поход мог продолжаться и днем, и ночью). Монголы придумали и остроумный способ для быстрого преодоления водных преград: лошади — вплавь, люди — на надутых бурдюках из бараньей кожи, имущество — на камышовых плотках, прицепленных к хвостам лошадей. Благодаря этому монголы изумляли своих противников, появляясь как бы из-под земли в самых неожиданных местах²².

В результате никто не мог сравниться в быстроте с монгольской конницей. Как отмечает Хара-Даван: «походные движения в 10—12 дней без дневок считались нормальными ... Во время венгерской кампании 1241 года Субедей прошел однажды со своей армией 435 верст менее чем в трое суток»²³. По тем временам это была фантастическая скорость, более того, это хорошая скорость и для современной

мотопехоты и боевой техники, которая движется в среднем со скоростью 30—40 километров в час и в день без боя проходит также около 100—150 км.

Перейдем к оружию, имуществу, обмундированию. Монгольские луки, стрелы и копья отличались высокой поражающей силой. Монголы умели их так затачивать, что они превращались в грозное по тем временам оружие. Сами европейцы, например, Марко Поло, посетивший столицу Монгольской империи Хан-Балык (Пекин), отзывался о них как о «превосходном вооружении»²⁴. Монголы умели перенимать и творчески развивать военный опыт других народов. После завоевания Китая в монгольской армии появились совершенные боевые машины (тараны, катапульты, огнеметы), а по некоторым сведениям монголы стали применять и порох (конечно, не в огнестрельном оружии, которого тогда не было, а как зажигательную смесь), чего сами китайцы не делали, пользуясь порохом лишь в пиротехнике²⁵.

Монголы придумали также специальную технологию для получения «сухого молока» — обычной пищи монгольских всадников в походах, которая не занимала много места, долго хранилась, не портясь, и позволяла воинам не останавливаться лишний раз для пополнения запасов пищи (так что монголы мало зависели от населения покоренных городов). Обмундирование монгольского всадника также было продумано с тем расчетом, чтоб он мог воевать в самых суровых климатических условиях, прежде всего, в условиях резко-континентального, холодного климата евразийской степи (это монгольская шапка или шлем с «наушниками» — прообраз русской «ушанки», шуба с мехом наружу и сапоги с войлочными чулками, которые у русских затем превратились в валенки).

Монгольские военачальники, прежде всего сам Чингисхан, разработали и новые приемы ведения войны, внося свой немалый вклад в развитие науки о стратегии и тактике (что отмечалось такими специалистами в области военной науки как генерал М.Иванин, полковник Рэнк и т.д.²⁶). У монголов хорошо была поставлена разведка, без которой они никогда не начинали новый поход. Они умело применяли обход одного из неприятельских флангов («тулугма»). Широко известна также «монгольская лава» (предтеча русской «казачьей лавы»), когда конница налетала на противника в самых разных местах волна за волной, так что расстрелявшая запас стрел первая шеренга сразу же сменялась второй (а первая шеренга уходила вглубь и перезаряжала луки). Применяли монголы и притворное бегство для рассеяния противника с последующим стремительным налетом на свежих «заводных» лошадях. Задолго до европейских полководцев Нового времени монголы стали применять тактику преследования врага до полного уничтожения.

Монголы твердо следовали тогдашним законам войны — не разрушать добровольно сдавшийся город, сохранять жизнь парламентарам как лицам «доверившимся». Дисциплина в монгольской армии была железной и все происходящее в ней во время похода регулировалось не произвольными приказами командиров, а особым законом, согласно которому, например, было запрещено потребление алкогольных напитков во время похода, требовалось содержать оружие (тяжелое вооружение) в порядке, что регулярно проверялось командирами. Воин, в бою не сошедший с коня и не поднявший оброненное оружие товарища, наказывался смертью, воин, начавший грабеж покоренного города без приказа начальника²⁷, наказывался смертью, воин или командир, не явившийся по приказу начальника, наказывался смертью.

В отличие от современных европейцев и западников в разных неевропейских странах, которые убеждены, что монгольская армия была неорганизованной дикой ордой, побеждающей противника большой численностью и неимоверной жестокостью, европейцы средних веков, близко знающие порядки в монгольской империи, были другого мнения. Так, Плано-Карпини — папский посланник при монгольском дворе, по словам Хара-Давана, указывал, что монголы побеждают не за счет численности, каковая у них небольшая, а за счет искусности в военном деле, непревзойденной тактики и строгой дисциплины, добавляя: «нашими армиями (европейскими. — **P.B.**) следовало бы управлять по образцу татар...»²⁸

Но монголы были не только прекрасными воинами, но и блистательными государственниками, и заслуга открытия и научного доказательства этого факта также принадлежит русским евразийцам 20—30-х гг. Монголы создали служилую идеократию — оригинальную модель государства, которого не знала ни Европа, ни дотатарская Русь. Евразиец Н.С.Трубецкой характеризовал ее следующим образом: «...власть правителя должна была опираться не на какое-либо господствующее сословие, не на какую-нибудь правящую нацию и не на какую-нибудь определенную официальную религию, а на определенный психологический тип людей. Высшие посты могли заниматься не только аристократами, но и выходцами из низших слоев народа; правители принадлежали не все к одному народу, а к разным монгольским и тюрко-татарским племенам и исповедовали разные религии. Но важно было, чтобы все они по своему личному характеру и образу мысли принадлежали к одному и тому же психологическому типу, обрисованному выше»²⁹. Это был тип, который монголы называли — «люди длинной воли» — честные, преданные своему владыке и своему религиозному идеалу, храбрые воины. Те же, кто стремился к обогащению и к удовольствиям и боялся пожертвовать собой ради государя — «люди короткой воли», ни в коем случае не допускались до системы управления. В этом смысле монгольское государство и было властью идеи — образа наилучшего воина, идеократией.

Евразийцы указывали, что эта модель государства, созданная политическим гением и политической волей монголов, оказалась оптимальной для нашего географически-климатического и геополитического ареала («месторазвития»). В условиях суровых природных факторов и постоянного агрессивного окружения иначе, кроме как при помощи сильного государства с организующей идеей, управлять и нельзя. Недаром служилая идеократия в той или иной форме неизменно воспроизводилась и в русской истории вплоть до эпохи СССР.

Другое высокое достижение политического творчества монголов — такая модель отношений между монголами и другими народами, входившими в их империю, которая предполагала широкие права этих народов и в этом плане была своеобразным предвосхищением идей федерализма — конечно, не в европейском, а в специфически евразийском их варианте. Евразийцы указывали, что монголы, жестоко подавлявшие любое проявление нелояльности к ханской власти, не говоря уже о сопротивлении ей, во всем остальном предоставляли другим народам жить привычной им жизнью, и не навязывали им своих традиций и ценностных ориентаций. Евразийский историк Г.В.Вернадский писал: «Эта империя (монгольская. — **P.B.**) не мешала внутренней культурной жизни своих частей — в том числе и Земли Русской»³⁰. Именно поэтому русский князь Александр Невский и предпочел Орду германском рыцарям, ведь

западные рыцари стремились трансформировать, подменить саму идеологическую матрицу жизнеустройства русских, обратить православную Русь в католичество, а монголы довольствовались данью и политическим подчинением. Г.В.Вернадский называл этот выбор Александра Невского его вторым подвигом, спасшим Русь от исчезновения как самобытной культуры, но в отличие от первого его подвига — победы над рыцарями на льду Чудского озера — это был подвиг мудрого смирения в ожидании грядущей славы³¹.

Необходимо отметить и уникальную для той эпохи веротерпимость монгольской империи, о которой одними из первых стали писать также русские евразийцы. В монголосфере в самый разгар средневековья мирно уживались тенгрианство, буддизм, ислам и христианство в различных своих вариациях. По традиции, созданной еще Чингисханом, представитель элиты монгольского государства должен был исповедовать какую-либо религию. Но при этом не имело значения что это за религия: государство монгол брало под свое покровительство все вероисповедания. Главным было, чтоб наличествовала религиозность человека как таковая: «государственно важно было для Чингисхана, чтобы его верноподданные так или иначе живо ощущали бы свою подчиненность Высшему Существо, т.е. чтоб они были религиозны, независимо от исповедуемой ими религии»³². Сами монголы, вплоть до хана Узбека, в большинстве своем были язычники-тенгрианцы, но среди покоренных ими народов были и христиане, и мусульмане, и буддисты. Более того, «Яса» — главный закон Чингисхана — требовала смертной казни для всякого, кто оскорбит священника какой-либо религии, даже если этот преступник — монгол, а священник принадлежит к покоренному народу³³.

Монголы не облагали религиозные организации налогом (так Русская Православная церковь не платила ясак в монгольский период). В Сарае — столице Орды были храмы самых разных исповеданий, в том числе и отдельная, «Сарская» епархия Русской православной церкви, а в окружении сарайских ханов были «христианская» и «мусульманская» партии (и даже однажды ханом Орды был христианин-несторианин — Сартак).

Трудно не согласиться с Э.Хара-Даваном в том, что «До столь широкой веротерпимости, которая господствовала в царстве Чингиса XIII века, Европа дошла, и то лишь относительно, в XVIII веке, — после того как она пережила Крестовые походы для массового истребления «еретиков и язычников», и после нескольких столетий, в течение которых пылали костры инквизиции»³⁴.

Напоследок нельзя не упомянуть о той высокой оценке правотворчества монголов, которая принадлежит историкам права и на которую ссылался евразиец Хара-Даван: «И.Я.Коростовец дает следующее резюме сборнику законов Чингисхана: «Джасак предписывает терпимость в вопросах религии, почтение к храмам, к духовным лицам и к старшим, а также милосердие к нищим, он устанавливает строгий контроль над семейной и домашней жизнью монгола...»³⁵ Таким образом, государство монгол было вовсе не ордой, не знающей закона, а образованием, подчиняющимся четко разработанной, весьма гуманной для своего времени системе права. Законами была ограничена деятельность даже высших чиновников: монгольские правители покоренных стран не могли самостоятельно, без суда наказывать смертью своих подданных. Налоги взимались тоже в строгом согласии с законом.

Уместно будет сказать здесь, что вообще финансовая система монгольской империи была настолько совершенной и эффективной, что многие ее черты впоследствии были переняты на Руси (наиважнейшие термины хозяйственно-финансового лексикона русского языка монгольского или тюркского происхождения — деньги, алтын, таможня, казна). Монголы также создали одну из лучших для своего времени почтовых служб — ямскую, суть функционирования которой в том, что вдоль дорог создавались станции, где можно было менять уставших лошадей на новых, отдохнувших. Эта система осталась существовать на Руси и после монгольского владычества и просуществовала вплоть до появления железнодорожного и автомобильного сообщения.

Наконец, народ, создавший такое сложное государственное и военное устройство, не мог не породить и великих политических деятелей. Прежде всего, тут следует упомянуть самого Чингисхана — создателя столь огромной империи, что перед ним меркнет слава полководческих талантов Александра Македонского (Хара-Даван иронично замечает, что западники и здесь применяют двойные стандарты: то, за что македонца по происхождению и грека по культуре Александра превозносят, монголу по происхождению и проводнику китайской культуры Чингису вменяют в вину). Далее следует упомянуть Хубилая-хана — блистательного правителя, при котором включенная в монголосферу Азия процветала и могла в области науки и искусств посоперничать с Европой³⁶, хана Золотой Орды Тохту — властного и справедливого, хана Джанибека, особенно расположенного к русским, за что русские летописи называют его «добрым царем» и т.д.³⁷

Заключение

Итак, монголы были действительно народом высокой и самобытной культуры. Это заявление, разумеется, звучит эксцентрично для многих из тех, кто привык видеть в культуре лишь искусство, философию, науку. Но в действительности это обывательский, упрощенный взгляд на культуру. С точки зрения философии, культура — это все, что сотворено умом, талантом, умением людей. «Монгольская лава» и «Яса» Чингисхана — такие же феномены культуры, как «Слово о полку Игореве» и городские архитектурные сооружения. Более того, без надежной защиты от внешних врагов и без эффективной системы социальной организации никакое самобытное развитие народа, в том числе и в области искусства, невозможно, так что рассуждения всевозможных пацифистов, противопоставляющих военное дело и искусство — не более чем софистика.

Конечно, различные народы имеют различные дарования. Есть народы-философы, как греки, народы-торговцы как финикийцы и народы-воины и государственники как римляне. Те же римляне в области философии и литературы были эпигонами греков, зато они создали непобедимую армию, могучую империю и столь совершенную систему права, что она пережила народ, ее сотворивший. Монголы в этом смысле были подобны римлянам и тот факт, что гордый народ фации и орла повсеместно признается культурным, а не менее гордый и храбрый народ «Ясы» и кречета³⁸ — варварским, есть, по мнению евразийцев, лишь следствие ксенофобского европоцентричного восприятия истории, которое основывается на ошибочной концепции «исторических» и «неисторических» народов.

Примечания

¹ К этой школе причисляют еще и Л.Н.Гумилева, который жил несколько позже, в евразийскую группу не входил и был связан с двумя ее членами (П.Савицким и Г.Вернадским) лишь перепиской. Вместе с тем, именно в вопросе оценки монгольского ига мнения классиков евразийства и Л.Н.Гумилева значительно расходятся (на что, увы, часто не обращают внимания). Гумилев, признавая евразийский тезис о защите монголами Руси от губительного влияния Запада и о перенятии русскими ордынских политических традиций, шел дальше и утверждал, что никакого «ига» не было, а был якобы стратегический взаимовыгодный союз Владимирской Руси и Орды. (см. напр. Л.Гумилев, В.Ермолаев. «О книге д-ра Эренжен Хара-Давана «Чингис-хан как полководец и его наследие» / На стыке континентов и цивилизаций. — М., 1996. — С.86). Евразийцы же писали именно о «чужеземном иге» — жестоком, позорном, принесшим особенно на первых порах много несчастий русским (см. П.Н.Савицкий. Степь и оседлость / П.Н.Савицкий. Континент Евразия. — М., 1997. — С.333—334). Евразийцы считали, что монголы принесли русским благо вопреки своим собственным намерениям, они вовсе не собирались воспитывать будущий имперский народ и оберегать от врагов будущего наследника Орды — Москву, передача русским степных политических традиций, помогших им затем создать сверхдержаву, произошла, согласно евразийцам, бессознательно.

² А.А.Кизеветтер. Евразийство / Россия между Европой и Азией: евразийский соблазн. Антология. — М., 1993. — С.274—275.

³ цит. по Л.Гумилеву. Черная легенда. Друзья и недруги великой степи. — М., 2004. — С.422.

⁴ позицию классиков евразийства по этому вопросу см. в работе Г.В.Вернадского «Два подвига Св. Александра Невского».

⁵ С.М.Половинкин. Евразийство / Русская философия. Малый энциклопедический словарь. — М., 1995. С.172.

⁶ Указ. соч. — С.466.

⁷ Там же.

⁸ П.Н.Савицкий. Степь и оседлость / П.Н.Савицкий. Континент Евразия. — М., 1997. — С.333—334.

⁹ В статье «Евразийство» П.Н.Савицкий упрекает славянофилов в том, что они «упирали на «славянство» как на то начало, которым определяется культурно-историческое своеобразие России» (П.Н.Савицкий. Континент Евразия. — М., 1997. — С.84) и не учитывали такой источник русской культуры как «азиатско-азиатские» элементы (там же, с.85).

¹⁰ Мало кто обращает внимание на связанный с этим парадокс: такое демонизирование кочевников в ущерб оседлым народам чрезвычайно странно для представителей христианской традиции: ведь в Библии предпочтение явно отдается кочевникам перед селянами и тем более горожанами: Богу угоден Авель — кочевник и скотовод, а не Каин — земледелец (Быт. Гл. 4; 1—5) и строитель первых городов (Быт. Гл. 4; 17). Каин — первый братоубийца (Быт. Гл. 4; 8) и связь с его именем земледелия и градостроительства, очевидно, бросает тень и на них. В Новом Завете также Христос и апостолы изображены как странники, переходящие из города в город, из страны в страну. Оседлая жизнь, на одном и том же месте, в довольстве и сытости рассматривается как некий грех, а долг христианина — нести Слово Божье, проповедовать, то есть так или иначе странствовать.

¹¹ см. об этом напр. М.Ларюэль. Идеология русского евразийства или мысли о величии империи. — М., 2004. — С.51—52.

¹² Г.В.Ф.Гегель. Энциклопедия философских наук. Том 3. Философия духа. — М., 1997. — С.370.

¹³ см. М.Ларюэль. Идеология русского евразийства, или Мысли о величии империи. — М., 2004. — С.51—52.

¹⁴ Г.В.Флоровский. О народах неисторических (страна отцов и страна детей) / Основы евразийства. — М., 1992. — С.427.

¹⁵ Предчувствия и свершения (предисловие к сборнику «Исход к Востоку») / Основы евразийства. — М., 2002. — С.103.

¹⁶ Н.С.Трубецкой. Европа и человечество // Наследие Чингисхана. — М., 1999. С.62.

¹⁷ П.Н.Савицкий. О задачах кочевниковедения (почему скифы и гунны должны быть интересны для русского?) // П.Н.Савицкий. Континент Евразия. — М., 1997. С.359—360.

¹⁸ П.Н.Савицкий. Указ. соч. С.342.

¹⁹ П.Н.Савицкий. Указ. соч. С.344.

²⁰ П.Н.Савицкий. Указ. соч. С.345.

²¹ Об устройстве монгольской армии см. соответствующую главу в работе Э.Хара-Даван «Чингисхан как полководец и его наследие. Культурно-исторический очерк Монгольской империи XII—XIV вв.».

²² Э.Хара-Даван. Чингисхан как полководец и его наследие. Культурно-исторический очерк Монгольской империи XII—XIV вв. / На стыке континентов и цивилизаций. — М., 1996. — С.155.

²³ Указ. соч. С.151.

²⁴ Указ. соч. С.150.

²⁵ Указ. соч. С.152.

²⁶ Указ. соч. С.160.

²⁷ Как известно, разграбление покоренных городов — обычная практика во время средневековых войн.

²⁸ Э.Хара-Даван. Чингисхан как полководец и его наследие. Культурно-исторический очерк Монгольской империи XII—XIV вв. / На стыке континентов и цивилизаций. — М., 1996. — С.155.

²⁹ Н.С.Трубецкой. Наследие Чингисхана. — М., 1999. — С.236—237.

³⁰ Г.В.Вернадский. Монгольское иго в русской истории / Основы евразийства. — М., 2002. — С.357.

³¹ см. об этом работу Г.В.Вернадского «Два подвига Св. Александра Невского».

³² Э.Хара-Даван. Чингисхан как полководец и его наследие. Культурно-исторический очерк Монгольской империи XII—XIV вв. / На стыке континентов и цивилизаций. — М., 1996. — С.134.

³³ Указ. соч. С.214.

³⁴ Указ. соч. С.134.

³⁵ Указ. соч. С.136.

³⁶ Э.Хара-Даван. Чингисхан как полководец и его наследие. Культурно-исторический очерк Монгольской империи XII—XIV вв. / На стыке континентов и цивилизаций. — М., 1996. — С.243.

³⁷ см. П.Н.Савицкий. Геополитические заметки по русской истории / П.Н.Савицкий. Континент Евразия. — М., 1997. — С.306.

³⁸ Знамя Чингисхана представляло собой девятиножное белое полотнище треугольной формы, на котором «благословенный серый кречет» — хранитель рода Чингиса нес жертву — ворона. См. об этом: Э.Хара-Даван. Чингисхан как полководец и его наследие. Культурно-исторический очерк Монгольской империи XII—XIV вв. / На стыке континентов и цивилизаций. — М., 1996. — С.126—127.